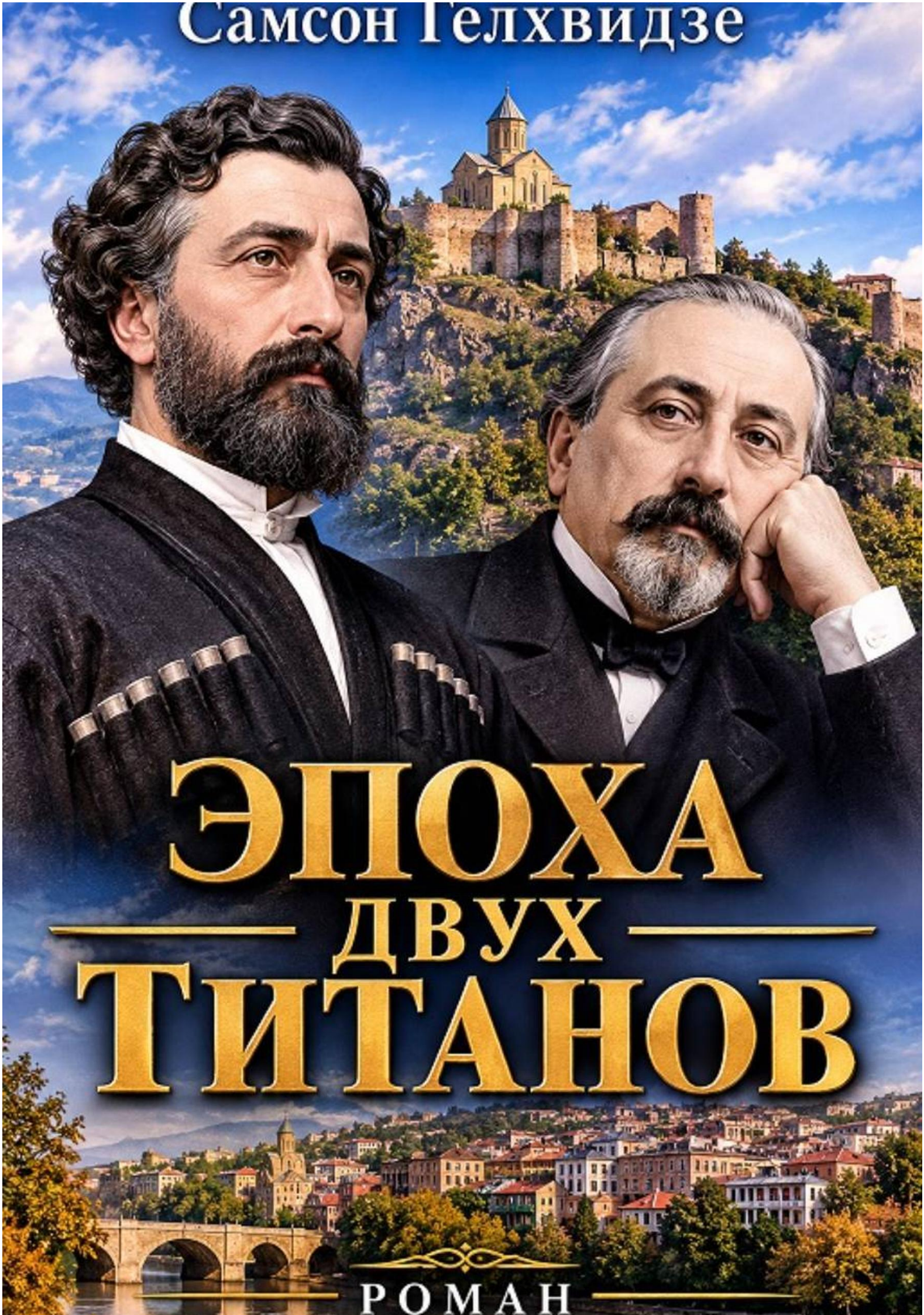
Самсон Гелхвидзе

ЭПОХА ДВУХ ТИТАНОВ

РОМАН

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ЭПОХА ДВУХ ТИТАНОВ - (роман)

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ЭПОХА ДВУХ ТИТАНОВ - (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

Роман «Эпоха двух титанов» посвящён двум выдающимся представителям грузинской культуры и общественной мысли — Илье Чавчавадзе и Акакию Церетели. Автор показывает не просто жизненные пути двух великих современников, а целую историческую эпоху, в которой литература, общественная деятельность и национальное самосознание оказались неразрывно связаны.Главное достоинство замысла — в объединении двух биографий в единое художественно-историческое повествование. Илья и Акакий представлены как личности с разными характерами, темпераментами и способами служения родине. Илья олицетворяет созидательную общественную энергию, организаторский талант и гражданскую ответственность. Акакий — поэтическую стихию, народную душевность, способность говорить с людьми языком чувств и образов. Их различие становится не противопоставлением, а взаимным дополнением.Это роман о двух великих современниках, но также и о непреходящей силе слова, человеческого достоинства и любви к родине.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ЭПОХА ДВУХ ТИТАНОВ - (роман)

ЭПОХА ДВУХ ТИТАНОВ

Историко-биографический роман

ПРОЛОГ

Грузия на пороге новой эпохи

Бывают времена, когда история словно замирает перед очередным поворотом, а целые народы, сами того ещё не осознавая, оказываются на пороге больших перемен. Старые порядки продолжают существовать, привычная жизнь течёт по давно установленному руслу, люди занимаются своими повседневными делами, растят детей, обрабатывают землю, строят дома, поют песни и молятся в храмах. Но где-то глубоко, под внешним спокойствием, уже зарождается нечто новое. Оно пока не имеет ясного имени, не знает своего будущего и не может объяснить, куда приведёт его дорога. Однако однажды наступает день, когда это невидимое движение становится историей.

Именно такое время переживала Грузия в первой половине XIX столетия.

Страна, чья история насчитывала многие века, страна древних монастырей и крепостей, царских дворцов и крестьянских дворов, страна воинов, земледельцев, поэтов и мудрецов, вступила в новую и непростую эпоху. После присоединения к Российской империи в 1801 году изменились государственное устройство, общественная жизнь и привычные отношения между людьми. Старые политические институты уходили в прошлое, а новые порядки постепенно проникали во все сферы существования грузинского общества.

Для одних эти перемены означали новые возможности, для других — утрату прежнего мира. Кто-то надеялся на спокойствие и защиту, кто-то болезненно воспринимал ограничение самостоятельности родной страны. Но независимо от личных убеждений людей оставался вопрос, который не мог исчезнуть вместе с прежними государственными порядками: что будет с Грузией, с её языком, культурой, исторической памятью и духовным наследием?

Этот вопрос звучал не только в домах образованных дворян, но и в крестьянских селениях, на городских базарах, в церковных дворах, за семейными столами. Его не всегда произносили вслух. Иногда он выражался в тревожном взгляде старика, в грустной песне, которую мать пела ребёнку, в рассказе о былых временах, передаваемом от отца к сыну.

Грузия продолжала жить.

В Кахетии виноградники поднимались по солнечным склонам, и осенью люди собирались на сбор урожая. В Имеретии реки несли свои воды среди зелёных долин, а горные дороги связывали небольшие селения с городами. В Тифлисе, который постепенно становился центром новой административной и культурной жизни Кавказа, встречались представители разных народов, звучали разные языки, сталкивались привычки и мировоззрения. Здесь торговали, спорили, заключали сделки, читали газеты, обсуждали государственные распоряжения и пытались понять, каким станет завтрашний день.

Но было нечто, что объединяло людей, несмотря на различия их положения, достатка и взглядов. Это была память о родной земле.

Однажды вечером, когда солнце уже скрылось за горами и в окнах старых домов зажглись огни, несколько человек собрались во дворе небольшого тифлисского дома. День выдался жарким. Воздух медленно остывал, и где-то неподалёку слышались голоса возвращавшихся с работы людей.

За низким столиком сидел пожилой грузин, хозяин дома. Перед ним стоял кувшин с вином, рядом лежал кусок хлеба и небольшая тарелка с сыром. Его гости были людьми разного возраста. Один занимался торговлей, другой служил при одном из учреждений, третий

преподавал в школе. Разговор начался с обычных новостей, но постепенно перешёл к тому, что волновало каждого из них.

— Скажите мне, господа, — произнёс хозяин, медленно наполняя бокалы, — что останется от нашего народа, если однажды наши дети перестанут говорить на языке своих отцов?

Молодой чиновник пожал плечами.

— Язык не исчезнет за один день. Люди продолжают говорить по-грузински, в наших церквах служат по-грузински, народ поёт свои песни. Чего же вы опасаетесь?

Старик посмотрел на него с лёгкой грустью.

— Я опасаюсь не того, что язык исчезнет сегодня. Я опасаюсь, что завтра он станет для наших детей чем-то необязательным. Что они будут знать чужие слова лучше родных, чужую историю лучше собственной, а о своих предках станут вспоминать лишь по праздникам.

— Но разве образование, новые знания и знакомство с другими культурами могут быть злом? — вмешался преподаватель. — Мы ведь не можем жить только воспоминаниями о прошлом. Мир меняется. Наши дети должны учиться, читать, мыслить шире.

— Я с вами не спорю, — ответил старик. — Пусть учатся. Пусть знают весь мир. Но только не забывают, кто они и откуда пришли. Человек, не знающий собственной истории, похож на дерево, которое забыло о своих корнях.

Разговор на некоторое время затих.

Из соседнего двора донеслась мелодия старой народной песни. Её пели негромко, словно не желая нарушить вечернюю тишину. Старик прислушался, и лицо его смягчилось.

— Вот послушайте, — сказал он. — Разве можно объяснить человеку, который никогда не слышал этой песни, почему у меня каждый раз сжимается сердце, когда она звучит? В ней ведь не только мелодия. В ней наши радости, наши потери, наши надежды. В ней жизнь тех, кто был до нас.

— А что же мы можем сделать? — спросил молодой чиновник. — Неужели одними песнями можно изменить судьбу страны?

Старик не сразу ответил.

— Одними песнями — нет. Но без песен, без книг, без родного слова народ теряет самого себя. Нам нужны люди, которые смогут говорить от имени Грузии. Не обязательно с трибуны и не обязательно с оружием в руках. Иногда одно честное слово сильнее сабли.

Эти слова прозвучали просто, без торжественности. Никто из присутствующих не мог знать, что впереди Грузию ждут люди, которым суждено будет по-разному ответить на поставленный вопрос.

Одни из них станут писать книги и статьи, другие будут создавать школы и театры, третьи посвятят себя науке и просвещению. Но особое место в истории страны займут два человека, чьи имена впоследствии окажутся неразрывно связаны с целой эпохой.

Один из них родился в Кварели, в Кахетии, в семье, принадлежавшей к грузинскому дворянству. Ему предстояло стать писателем, публицистом, мыслителем и общественным деятелем, человеком, который не боялся поднимать самые болезненные вопросы жизни своего народа. Он верил в силу образования, в необходимость общественного обновления, в достоинство человека и ответственность каждого перед своей родиной.

Его звали Илья Чавчавадзе.

Другой появился на свет в Имеретии, в Схвитори, среди зелёных холмов и знакомых с детства народных голосов. Ему предстояло стать поэтом, чьи стихи будут жить не только в книгах, но и в песнях, в памяти простых людей, в их радостях и печалях. Он сумеет говорить о любви, родине, человеческой доброте и достоинстве так, что его услышат далеко за пределами родного края.

Его звали Акакий Церетели.

Между ними было всего три года разницы. Они родились в разных уголках одной страны, росли в различных семейных обстоятельствах, получили разное воспитание и прошли неодинаковые дороги к знаниям. Их характеры не были одинаковыми, как не были одинаковыми и способы, которыми каждый из них собирался служить Грузии.

Илья обладал беспокойным умом человека, которому недостаточно видеть недостатки окружающего мира. Он хотел понять их причины, найти способы преодоления несправедливости, изменить общественную жизнь. Его слово должно было не только трогать сердце, но и заставлять думать, спорить, действовать.

Акакий обладал особым даром чувствовать душу народа. Он умел находить в обыкновенных человеческих переживаниях такую глубину, которая становилась понятной каждому. Его поэзия могла быть нежной и задорной, печальной и насмешливой, но в ней неизменно присутствовала любовь к родной земле.

Они ещё не знали друг друга. Не знали, какие встречи и расставания ожидают их впереди, какие споры разгорятся вокруг их произведений, какие испытания приготовит им время. Они не могли предвидеть, что однажды их имена станут символами грузинского национального возрождения.

Но история уже готовила для них свои испытания.

Впереди были Петербург и Тифлис, университетские аудитории и редакции журналов, литературные вечера и общественные собрания, встречи с единомышленниками и столкновения с противниками. Будут годы признания и периоды одиночества, радость творчества и горечь непонимания. Будут люди, которые последуют за ними, и люди, которые не примут их взглядов.

Один из них погибнет от руки убийц, оставив после себя незаживающую рану в сердце Грузии. Другой переживёт его на восемь лет, продолжая нести память о своей эпохе и оставаясь одним из самых любимых поэтов народа.

Но их истории никогда не станут совершенно отдельными.

Потому что речь идёт не только о двух выдающихся биографиях. Речь идёт о времени, когда грузинская литература и общественная мысль приобретали новое звучание, когда слово становилось средством духовного сопротивления забвению, когда культура помогала народу осознавать собственное достоинство и историческое предназначение.

У каждого народа бывают люди, которые отражают свою эпоху. И бывают люди, которые сами становятся её определением.

Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели принадлежали именно к таким людям.

Им предстояло пройти разные дороги, но история поставила их рядом на одной вершине.

И потому эта книга — не просто рассказ о жизни двух писателей. Это повествование о Грузии, о её людях, её надеждах и испытаниях, о силе слова и ответственности перед будущими поколениями.

Это история двух судеб, ставших частью одной национальной судьбы.

Это была эпоха двух титанов.

Глава 1. Кварели. Дом, в котором родился Илья

Кахетия встречала осень особенным светом. В это время года солнце уже не обжигало землю летним жаром, но по-прежнему щедро освещало виноградники, сады и старые дома, разбросанные по склонам холмов. Воздух становился прозрачнее, краски — глубже, а вечера наполнялись той мягкой прохладой, которая заставляла людей задерживаться у открытых окон и дольше сидеть за семейным столом.

Кварели, небольшое селение в Алазанской долине, жило своей привычной жизнью. Здесь знали цену земле, уважали труд земледельца, помнили родословные семей и передавали из поколения в поколение рассказы о людях, которые защищали родную землю. В этих рассказах нередко соседствовали история и легенда, горечь поражений и гордость за мужество предков.

Дом Чавчавадзе не был чужд этой памяти.

Род, к которому принадлежала семья, имел глубокие корни в грузинской истории. Дед Ильи, Паата, и другие представители семьи были связаны с военной службой и событиями, оставившими след в судьбе Кахетии. Отец будущего писателя, Григорий Чавчавадзе, служил офицером Нижегородского драгунского полка. Он участвовал в военных походах, знал цену опасности и привык к дисциплине, которую требовала служба.

Но военная жизнь осталась позади. Теперь главным для Григория было его семейное хозяйство, дети и дом, в котором должны были продолжиться традиции рода.

Его жена, Мария Бебуришвили, была женщиной образованной для своего времени. Она хорошо знала грузинскую письменность и литературу, помнила множество стихотворений, старинных преданий и рассказов. В её представлении воспитание ребёнка не ограничивалось заботой о его здоровье и повседневных нуждах. Мать должна была передать ему нечто более важное — язык, веру, память семьи и любовь к родной земле.

В этом доме дети росли среди рассказов о прошлом. Здесь не забывали о тех, кто жил до них, кто защищал родные края, кто создавал книги и песни, кто оставлял после себя доброе имя.

Именно в такой семейной атмосфере 27 октября 1837 года по старому стилю родился мальчик, которому предстояло стать одним из самых известных людей Грузии.

Его назвали Ильёй.

Никто из домашних, разумеется, не мог тогда знать, какую роль суждено будет сыграть этому ребёнку в истории страны. Для родителей он был прежде всего сыном, ещё одним маленьким человеком, которому предстояло расти, учиться, радоваться и переживать свои первые детские огорчения.

Возможно, в тот день дом наполнился обычной для таких событий радостью. Родные поздравляли родителей, женщины хлопотали по хозяйству, кто-то из старших родственников заглядывал узнать, как чувствует себя мать и каков новорождённый.

— Здоровый мальчик? — мог спросить один из близких.

— Здоровый, — отвечали ему. — Пусть Бог даст ему долгую жизнь.

— И хорошую судьбу, — добавлял другой.

Так начиналась жизнь человека, которому предстояло стать голосом целого поколения.

Детство Ильи проходило в мире, где семейные традиции тесно переплетались с повседневным трудом. Дом, сад, окрестные поля, разговоры взрослых, встречи с соседями — всё это составляло привычную картину его первых лет.

Вокруг жили крестьяне, чья жизнь зависела от земли, урожая и погоды. Они знали, что такое тяжёлый труд, неурожай, долги и тревога за будущее семьи. Их радости были простыми, но настоящими, а печали порой оказывались такими глубокими, что человек носил их в себе всю жизнь.

Маленький Илья видел этих людей каждый день. Он слышал их разговоры, наблюдал за их работой, постепенно узнавал особенности деревенского быта. Позднее именно эта близость к народной жизни станет одной из важных черт его мировоззрения.

Взрослые могли рассуждать о родословных, военной службе и положении семьи, но для ребёнка мир открывался иначе. Он познавал его через звуки и образы: шум ветра, голоса людей, рассказы старших, песни, которые звучали по вечерам.

Особое место в этом мире занимала мать.

Мария умела рассказывать. Её память хранила множество стихов и старинных историй. Она не просто пересказывала детям услышанное или прочитанное, но старалась сделать так, чтобы каждый рассказ оставлял след в их воображении.

Представим один из таких вечеров.

Дети собрались возле матери. За окном постепенно темнело, в доме становилось тише. Мария закончила очередной рассказ и посмотрела на младшего сына.

— Илья, ты слушал внимательно?

— Слушал, мама.

— А что тебе запомнилось?

Мальчик задумался.

— Что человек должен быть смелым.

— Только смелым?

— И не бояться, когда трудно.

Мария улыбнулась.

— Это хорошо. Но смелость бывает разной. Можно не бояться опасности, а можно не бояться говорить правду. И иногда второе бывает труднее первого.

Илья посмотрел на мать, стараясь понять смысл её слов.

— А если за правду накажут?

— Тогда человек должен подумать, почему он говорит её и ради чего. Не всякое слово стоит произносить бездумно. Но если ты знаешь, что правда необходима, нельзя отказываться от неё только потому, что кому-то она не понравится.

Разумеется, этот разговор — художественная реконструкция, а не запись подлинной беседы. Но сама атмосфера материнского воспитания, значение грузинской литературы и устных рассказов в доме Чавчавадзе подтверждаются воспоминаниями самого Ильи.

Его мать действительно обладала большой литературной памятью. Она знала старые стихи и рассказы, а её влияние на детей было значительным. Впоследствии Илья вспоминал, как в семье читали и пересказывали прочитанное, как взрослые проверяли, насколько внимательно дети слушали и что сумели запомнить.

В этом, казалось бы, простом домашнем обычае заключалось нечто большее, чем обычное обучение. Ребёнка приучали слушать, понимать, пересказывать и размышлять. Слова становились не только средством общения, но и способом познания мира.

Отец Ильи, Григорий, был человеком иного склада. Военная служба сформировала в нём привычку к порядку, выдержке и ответственности. Он хорошо знал русский язык, интересовался происходившими событиями и внимательно относился к образованию детей.

Вечерами он также занимался с ними: читал новости и рассказы, а затем просил пересказать услышанное. На следующий день мог снова вернуться к вчерашнему чтению, чтобы проверить, что осталось в памяти.

— Ну что, кто сегодня лучше всех запомнил вчерашний рассказ? — мог спросить он, обращаясь к детям.

Кто-нибудь начинал пересказывать, иногда сбивался, забывал подробности.

— Нет, погоди, — останавливал отец. — Не торопись. Сначала подумай, о чём шла речь, а потом рассказывай.

Илья слушал, наблюдал за старшими и постепенно привыкал к тому, что каждое услышанное слово требует внимания.

Впоследствии в автобиографии он вспоминал именно эту семейную практику чтения и пересказа. Такие занятия развивали память, приучали к последовательному изложению мысли и помогали ребёнку осваивать богатство языка.

Для будущего писателя это стало одним из первых уроков словесного мастерства.

Но не менее важным было другое: мальчик рос в доме, где прошлое не считалось чем-то далёким и ненужным. История страны постоянно присутствовала в разговорах взрослых. Илья слышал имена людей, прославившихся мужеством и служением родине, узнавал о событиях, которые определяли судьбу Грузии.

Всё это постепенно складывалось в его детском сознании.

Семейная жизнь Чавчавадзе не была лишена тревог. За благополучием дома скрывались непростые обстоятельства. История рода знала военные потери, а судьба Грузии в течение многих десятилетий оставалась неспокойной.

В рассказах старших оживали прежние поколения. Одни родственники участвовали в военных походах, другие погибли в столкновениях, третьи оставили после себя память о мужестве и верности своим убеждениям.

Для ребёнка подобные истории могли казаться частью большого, почти легендарного мира. Но постепенно он начинал понимать, что за каждым именем стоит человеческая жизнь, за каждым подвигом — риск, а за каждой победой — чья-то боль.

Можно предположить, что именно в эти годы в нём зарождалось особое отношение к истории. Он ещё не умел формулировать свои мысли так, как будет делать это взрослым человеком, но уже учился воспринимать судьбу отдельной личности в связи с судьбой народа.

И это чувство впоследствии станет одной из основ его творчества.

Когда Илье исполнилось восемь лет, начался новый этап его образования.

Сначала он учился читать и писать по-грузински у местного церковнослужителя, которого сам позднее вспоминал как человека, прекрасно знавшего родной язык и умевшего рассказывать детям о прошлом Грузии.

Это обучение не было похоже на занятия в большой городской школе. Здесь многое зависело от личности наставника, от его умения заинтересовать ребёнка, от живого рассказа и примеров, которые помогали понять смысл услышанного.

Учитель рассказывал о героях грузинской истории, о людях, совершавших подвиги ради родины и веры, о поступках, которые приносили пользу другим.

— А почему люди помнят одних и забывают других? — мог однажды спросить мальчик.

— Потому что не всякая жизнь оставляет след, — мог ответить наставник. — Одни думают только о себе, а другие делают что-то для тех, кто придёт после них.

— Значит, нужно совершить подвиг?

— Не всегда. Иногда человеку достаточно честно прожить свою жизнь и не причинять зла другим. А иногда наступает время, когда от него требуется гораздо больше.

Илья слушал такие рассказы с большим вниманием. Позднее он вспоминал, что многие из них глубоко запали ему в душу. Одну из услышанных историй о Димитрии Самопожертвователе он впоследствии использовал как основу литературного произведения.

Так прошлое Грузии входило в сознание будущего писателя не только через книги, но и через устную традицию, через рассказы людей, которые сами воспринимали историю как часть собственной жизни.

Однако детство Ильи не было долгим и безмятежным.

В 1848 году, когда ему было около десяти лет, умерла его мать Мария. Для мальчика это стало тяжёлой утратой. Дом, в котором ещё недавно звучал материнский голос, уже не мог оставаться прежним.

Исчезла привычная возможность обратиться к ней с вопросом, услышать рассказ, почувствовать её присутствие рядом. То, что раньше казалось естественной частью каждого дня, вдруг стало воспоминанием.

Можно представить, как однажды вечером Илья, привыкший к материнским рассказам, задержался у двери комнаты, где прежде собирались дети.

— Илья, пойдём, — позвал кто-то из домашних.

— Сейчас.

— Что ты там делаешь?

— Ничего. Просто стою.

Возможно, он ещё не умел выразить словами то, что происходило у него внутри. Детская душа не всегда способна объяснить собственную боль. Иногда она только молчит, прислушивается к знакомым звукам и ждёт, что всё снова станет таким, как прежде.

Но прежняя жизнь уже не возвращалась.

Заботу о детях и воспитание осиротевших племянников взяла на себя сестра отца, Макрина Чавчавадзе-Эристави. С её участием семейная жизнь постепенно приобретала новый порядок. Детям предстояло привыкать к отсутствию родителей, а Илье — взрослеть раньше, чем это обычно случается с мальчиками его возраста.

Впереди его ждала ещё одна тяжёлая утрата — смерть отца. Но пока он продолжал жить в Кварели, учиться, наблюдать за окружающим миром и накапливать впечатления, которым суждено было однажды стать частью его литературного наследия.

И если материнские рассказы открывали ему богатство грузинского слова, а отцовские занятия приучали к вниманию и размышлению, то деревенская жизнь знакомила его с людьми, чья судьба впоследствии станет одной из главных тем его произведений.

Он видел труд крестьянина, слышал народные песни, узнавал старинные предания, наблюдал за человеческими радостями и бедами.

Всё это оставалось в памяти.

Мальчик из Кварели ещё не знал, что однажды ему предстоит говорить о жизни грузинского народа так, как до него говорили немногие. Он не знал, что его книги будут читать далеко за пределами родного края, что его имя станет частью национальной истории, а его судьба окажется связанной с судьбой всей страны.

Но путь уже начинался.

В небольшом кахетинском доме, среди семейных рассказов, старинных преданий и простых человеческих забот, формировался характер будущего писателя.

Илья Чавчавадзе ещё только учился читать мир. Но мир уже оставлял в нём свои первые строки.

Глава 2. Схвитори. Первые дни будущего поэта

Имеретия жила совсем иным ритмом, нежели Кахетия. Здесь горы казались ближе к человеческому жилью, реки шумели среди густой зелени, а небольшие селения словно прятались в складках холмов. Весной склоны покрывались травами и цветами, летом сады давали прохладную тень, а осенью земля щедро одаривала людей плодами их труда.

В этой благодатной стороне, в окрестностях Сачхере, находилось село Схвитори. Неподалёку протекала река Чихура, а над окрестностями возвышалась старая крепость Модинахе. Её каменные стены помнили времена, когда судьба этих мест зависела от мужества защитников, от стойкости семей и от способности народа сохранять себя перед лицом испытаний.

Именно здесь, 9 июня 1840 года по старому стилю, появился на свет мальчик, которому предстояло стать одним из самых любимых поэтов Грузии.

Его назвали Акакием.

Он родился в семье князя Ростома Церетели и Екатерины Абашидзе. По материнской линии семья была связана с царским домом Имеретии: Екатерина приходилась потомком царю Соломону I. Таким образом, происхождение будущего поэта соединяло в себе дворянские традиции, память о прежней государственности и глубокую связь с родной землёй.

Дом Церетели был известен в округе. Здесь соблюдали семейные обычаи, принимали гостей, обсуждали дела хозяйства и новости, приходившие из разных уголков страны. Отец Акакия, Ростом, был человеком, привыкшим к своему положению и обязанностям. Мать, Екатерина, обладала мягкостью и достоинством, которые не мешали ей быть требовательной к детям.

Но судьба приготовила для маленького Акакия необычное детство.

Согласно старинному обычаю, существовавшему в некоторых грузинских дворянских семьях, ребёнка после рождения отдавали на воспитание в крестьянский дом. Считалось, что таким образом он будет крепче здоровьем, узнает жизнь простых людей и вырастет не избалованным семейным достатком.

Так произошло и с Акакием.

Первые годы жизни он провёл не в родительском доме, а в селе Саване, в крестьянской семье. Его окружали люди, чья жизнь была связана с землёй, ежедневным трудом и заботой о хозяйстве. Рядом росли дети крестьян, с которыми маленький княжич делил игры, радости и первые детские обиды.

Для него это было не просто пребывание в другом доме. Это было знакомство с жизнью, которая существенно отличалась от той, к которой его готовило происхождение.

В Саване всё имело свой порядок.

Утро начиналось рано. Взрослые поднимались ещё до того, как солнце полностью освещало окрестные холмы. Кто-то отправлялся к полям, кто-то занимался скотом, женщины готовили пищу и хлопотали по дому. Дети просыпались, когда в жилище уже слышались голоса и шаги.

Маленький Акакий постепенно привыкал к этому миру. Он не ощущал себя чужим среди крестьянских детей. Напротив, здесь у него появились товарищи, с которыми можно было бегать по двору, исследовать окрестности, наблюдать за животными и придумывать собственные игры.

Его воспитанием занималась крестьянская женщина, ставшая для него кормилицей и няней. В биографических материалах и семейных преданиях её имя связывают с Маной Садунишвили, женой Фарсадана Канчавели.

Она не была учёной женщиной, не читала детям сложных наставлений и не рассуждала о философии. Но знала то, что необходимо было человеку, живущему в тесной связи с природой и людьми: когда следует работать, как пережить непогоду, почему нельзя обижать слабого, отчего нужно помогать соседу и почему чужая беда не должна оставлять человека равнодушным.

Однажды маленький Акакий, наблюдая, как взрослые готовятся к работе, мог спросить:

— Почему все так рано встают?

— Потому что день ждать не будет, — ответила бы ему няня. — Солнце поднялось — значит, пора приниматься за дело.

— А если не хочется?

Женщина улыбнулась.

— Тогда всё равно придётся. Земля не спрашивает, хочется тебе сегодня работать или нет.

— А князья тоже должны работать?

— Каждый человек должен что-нибудь делать. Иначе зачем ему дана жизнь?

Мальчик задумался.

— А если у человека много слуг?

— Тогда у него больше возможностей помочь другим. Только не каждый об этом помнит.

Эти реплики — художественная реконструкция, но сама среда воспитания Акакия подтверждена его собственными воспоминаниями. Позднее поэт с благодарностью писал о годах, проведённых среди крестьянских детей, и признавался, что всё доброе и человеческое, сохранившееся в нём, во многом было связано именно с этим детством.

Он не забыл людей, среди которых рос.

И, пожалуй, именно здесь следует искать один из источников той особенной близости к простому народу, которая впоследствии стала характерной чертой его поэзии.

Акакий рос среди людей, для которых песня была не украшением жизни, а её естественной частью.

Пели во время работы, за семейным столом, на праздниках и во время встреч. В песнях звучали любовь, тоска, воспоминания о прошлом, радость возвращения и горечь расставания. Некоторые мелодии были весёлыми, другие — печальными, но почти каждая несла в себе историю человеческого чувства.

Мальчик слушал их и постепенно запоминал.

Особенно его привлекали рассказы взрослых. Они могли говорить о дальних родственниках, о старых событиях, о людях, которые отличались необыкновенной смелостью или добротой. Иногда один рассказчик дополнял другого, и тогда история становилась ещё интереснее.

— А правда, что когда-то наши предки сражались с врагами у этой крепости? — мог спросить Акакий.

— Правда, — отвечал один из старших. — Земля многое помнит.

— А почему крепость стоит так высоко?

— Чтобы видеть, кто приближается. И чтобы защищать тех, кто живёт внизу.

— Значит, она нужна людям?

— Конечно. Только крепость защищает тело, а есть вещи, которые должны защищать душу.

— Какие?

— Память, вера, язык. Если человек потеряет всё это, ему никакая крепость не поможет.

Возможно, именно такие разговоры, услышанные в детстве, оставляли в нём впечатления, которые позднее возвращались в стихах и произведениях.

Но главное заключалось не в отдельных словах. Акакий рос рядом с людьми, которые не считали себя героями истории, однако каждый день совершали маленькие поступки, без которых невозможно существование общества. Он видел их труд, их привязанность к детям, их взаимную поддержку и умение радоваться даже скромным подаркам судьбы.

Позднее он будет воспевать простого человека не как отвлечённый литературный образ, а как живую часть родной страны.

Время шло, и мальчик постепенно взрослел.

В шесть или семь лет его детство в Саване завершилось. Родители решили вернуть сына в родительский дом, где ему предстояло начать другую жизнь — жизнь княжеского ребёнка, которому нужно было привыкать к семейному положению и готовиться к систематическому образованию.

Для самого Акакия этот переход, вероятно, оказался непростым.

В Саване он привык к свободе, к непосредственному общению с другими детьми, к жизни, в которой не существовало строгого разделения между маленьким князем и крестьянскими мальчиками. Теперь всё должно было измениться.

В родительском доме его ожидали новые правила, новые обязанности и совершенно иная атмосфера.

Можно представить, как отец встретил сына после возвращения.

— Ну что, Акакий, — обратился к нему Ростом, — теперь ты снова дома.

Мальчик посмотрел на знакомые стены.

— Да, отец.

— Здесь тебе предстоит многое узнать. Ты уже не маленький.

— А я могу иногда ездить в Саване?

— Конечно. Но теперь ты должен помнить, что принадлежишь к семье Церетели и должен соответствовать своему положению.

Акакий помолчал, а затем спросил:

— А там, в Саване, я кем был?

Отец мог удивиться такому вопросу.

— Там ты был ребёнком.

— А здесь?

— Здесь ты тоже ребёнок, но тебе предстоит учиться быть князем.

Возможно, этот разговор никогда не происходил именно так. Но в нём заключено противоречие, которое могло возникнуть в сознании мальчика: ему предстояло вернуться в мир своего происхождения, не забыв при этом мир, в котором прошло его раннее детство.

Именно это различие между двумя средами впоследствии приобретёт для него особое значение.

В родительском доме Акакий встретился с теми, кто должен был стать его первыми наставниками.

Большую роль в его образовании сыграла старшая сестра Анна. Она помогала ему осваивать грузинскую грамоту, учила читать и писать на родном языке. Мать занималась с ним русским чтением.

Образование в те годы не всегда начиналось с посещения школы. В состоятельных семьях детей нередко готовили дома, приглашали наставников, уделяли внимание чтению и письму. Так складывался первоначальный круг знаний будущего поэта.

Анна относилась к занятиям серьёзно. Она старалась, чтобы младший брат не просто запоминал буквы, но понимал прочитанное.

— Акакий, посмотри внимательно. Здесь написано одно слово, а здесь другое. Ты должен научиться различать их.

— Но я уже знаю эти буквы!

— Знать буквы недостаточно. Нужно понимать, что они говорят.

— А книги всегда говорят правду?

Анна улыбнулась.

— Книги рассказывают о многом. Но думать за тебя они не могут.

Мальчик снова склонился над страницей.

Его интерес к чтению оказался необыкновенно сильным. Книги постепенно становились для него не только источником знаний, но и особым пространством, в котором можно было путешествовать по далёким странам, знакомиться с неизвестными людьми и переживать события, происходившие задолго до его рождения.

Особое место в его детском чтении занимала «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели.

Впоследствии Акакий вспоминал, что уже в десятилетнем возрасте неоднократно перечитывал эту поэму. Для ребёнка она открывала целый мир — мир мужества, дружбы, любви, верности и благородства.

Можно представить, как однажды мать заметила, что сын снова держит в руках знакомую книгу.

— Акакий, ты опять читаешь Руставели?

— Да, мама.

— Но ведь ты уже знаешь эту историю.

— Знаю.

— Тогда зачем читаешь её снова?

Мальчик немного подумал.

— Когда читаю второй раз, нахожу то, чего раньше не замечал.

Екатерина посмотрела на сына с улыбкой.

— Значит, книга меняется?

— Нет, мама. Наверное, меняюсь я.

Этот короткий ответ мог бы принадлежать человеку гораздо старше. Но в нём отражается то свойство настоящего читателя, которое со временем становится и свойством настоящего писателя: способность возвращаться к знакомому произведению и каждый раз открывать в нём новые смыслы.

В детстве Акакия постепенно формировалось ещё одно важное качество — наблюдательность.

Он замечал, как разговаривают взрослые, как меняется настроение человека, когда ему приходится переживать неприятности, как радуются дети, получившие долгожданную игрушку, и как ведут себя люди, когда думают, что никто за ними не наблюдает.

Всё это ещё не превращалось в сознательные литературные наблюдения. Но будущий поэт словно собирал впечатления, которые однажды станут материалом его творчества.

Он видел, что человеческая жизнь не делится на простую череду счастливых и несчастливых дней. В ней соседствуют добро и несправедливость, щедрость и зависть, смелость и страх. Один человек способен утешить другого, а другой — причинить боль даже тому, кто ему доверяет.

Особенно остро он воспринимал различие между положением людей.

В Саване он рос вместе с детьми крестьян, делил с ними игры и повседневные заботы. В родительском доме его окружали люди, которые напоминали ему о происхождении и обязанностях княжеского рода.

Но прежняя близость не исчезала.

Можно предположить, что в душе ребёнка постепенно складывалось понимание: человеческое достоинство не определяется одним лишь богатством или происхождением.

Эта мысль позднее станет одной из важнейших в его творчестве.

Когда Акакий приблизился к школьному возрасту, вопрос об образовании приобрёл особую важность.

Семья понимала, что домашнего обучения уже недостаточно. Мальчику предстояло познакомиться с более широким миром знаний, освоить новые предметы, научиться работать с книгами и готовиться к самостоятельной жизни.

В 1852 году он начал обучение в Кутаисской классической гимназии.

Это означало, что привычный мир Схвитори постепенно уступал место новой обстановке. Впереди были школьные занятия, преподаватели, товарищи, строгие правила и столкновение с теми сторонами жизни, которых ребёнок прежде почти не знал.

Но в этот момент он ещё не мог представить, насколько непростым окажется его дальнейшее образование.

Ему предстояло узнать, что школа может не только открывать новые горизонты, но и ограничивать человека, что знания не всегда сопровождаются справедливостью, а отношение к родному языку способно стать предметом болезненных общественных противоречий.

Пока же всё это оставалось впереди.

В памяти Акакия навсегда сохранялись зелёные холмы Имеретии, шум Чихуры, старый дом в Схвитори, крестьянская семья в Саване, песни и рассказы простых людей.

Он покидал мир раннего детства, но не расставался с ним окончательно.

Много лет спустя, когда его имя станет известно всей Грузии, он будет с благодарностью вспоминать годы, проведённые среди крестьянских детей. И в этих воспоминаниях не будет высокомерия человека, который снисходительно оглядывается на простую жизнь. Напротив, в них прозвучит признание того, насколько много он получил от людей, не обладавших ни титулами, ни богатством, но умевших сохранять человеческую доброту.

Так формировался будущий Акакий Церетели.

В одном доме он получил первые уроки родного языка, в другом — первые уроки человеческого общения. От матери и сестры пришла любовь к чтению, от крестьянского детства — близость к народу, от семейных преданий — интерес к прошлому Грузии.

Эти впечатления не исчезли с годами. Они постепенно соединялись в характере человека, которому предстояло стать поэтом, чьи произведения будут знать и любить далеко за пределами Имеретии.

В Схвитори начинался его жизненный путь. Но настоящая дорога к большой литературе была ещё впереди.

Глава 3. Мир детства Ильи

После смерти матери дом в Кварели уже не мог оставаться прежним. В нём по-прежнему жили дети, звучали знакомые голоса, продолжались привычные домашние дела, но исчезло то незримое тепло, которое прежде объединяло всех вокруг Мариам. Для маленького Ильи это была первая встреча с утратой, смысл которой ребёнок ещё не способен понять до конца, но тяжесть которой чувствует всем существом.

Отец, Григол Чавчавадзе, старался сохранить порядок в семье. Человек военный, привыкший к дисциплине и ответственности, он не позволял обстоятельствам окончательно подчинить себе жизнь детей. Но суровая внешняя сдержанность не означала равнодушия. Григол понимал, что после смерти супруги на нём лежит особая обязанность: дать детям образование, воспитать их и подготовить к самостоятельной жизни.

Илья всё чаще замечал, что отец стал задумчивее. Иногда он подолгу сидел за столом, перебирая бумаги или читая, а иногда выходил во двор и останавливался у ворот, словно прислушиваясь к чему-то, чего остальные не слышали.

— Отец, ты сегодня опять уезжаешь? — мог спросить мальчик.

— Нет, Илья. Сегодня я останусь дома.

— Тогда расскажи мне что-нибудь.

Григол смотрел на сына и, возможно, вспоминал, как прежде это делала Мариам. Он умел рассказывать детям о прошлом, о людях, которые служили родине, о военных походах и судьбах семей. В его рассказах история не была перечнем дат и имён. Она представала чередой человеческих поступков, за которые одни заслуживали уважения, а другие — осуждения.

— Запомни, сын, — мог сказать он, — человек не становится достойным только потому, что родился в известной семье. Его судят по тому, что он сделал и какую пользу принёс другим.

Такие слова не обязательно были произнесены именно в этой форме. Но они соответствовали тому воспитательному миру, который Илья описал позднее в своей автобиографии: отец рассказывал детям о событиях истории и о людях, проявивших мужество, верность вере и отечеству.

В памяти мальчика постепенно складывались два разных, но одинаково важных образа. Мать открывала ему мир грузинского слова, поэзии и преданий. Отец связывал этот мир с историей, поступком и ответственностью. Илья ещё не знал, что однажды эти впечатления соединятся в его собственном творчестве, но уже впитывал их, как впитывают родную речь, не задумываясь о том, насколько она определит всю дальнейшую жизнь.

В родной Кахетии его детство проходило не только среди родственников и людей княжеского дома. Первые занятия он посещал вместе с крестьянскими детьми. В восемь лет Илья начал учиться чтению и письму на грузинском языке у сельского дьякона. Тот обладал хорошим знанием родной письменности и славился умением увлекательно рассказывать. Учёба занимала сравнительно небольшую часть дня, а остальное время дети играли и слушали истории, в которых оживали страницы грузинского прошлого.

Для Ильи это было необыкновенно важное окружение. Он видел крестьянских детей не издали, не как людей, существующих где-то за пределами княжеского двора, а как своих това-

рищей. Они вместе играли, вместе слушали рассказы, вместе радовались и ссорились. Различие в происхождении не мешало им быть детьми одного края.

Впоследствии Илья не раз обращался к судьбам простых людей. В его произведениях крестьянская жизнь становилась не декорацией, а самостоятельным миром со своими страданиями, достоинством, радостями и противоречиями. Возможно, истоки этого внимания следует искать именно в тех ранних годах, когда граница между его миром и миром сельских детей была гораздо тоньше, чем могла бы показаться взрослому наблюдателю.

Но детство в Кварели постепенно уходило.

Когда Илье исполнился одиннадцатый год, отец отвёз его в Тифлис. В автобиографии писатель позднее вспоминал, что Григол определил его в пансион Раевского и Гакке, который считался одним из лучших частных учебных заведений города.

Для мальчика это означало не просто перемену места жительства. Перед ним открывался совершенно другой мир. Вместо привычных сельских дорог и знакомых лиц — большой город, шумные улицы, незнакомые люди, новые правила и строгий распорядок учебного заведения.

Тифлис был городом контрастов. Здесь встречались разные народы, языки, обычаи и представления о жизни. На улицах можно было услышать грузинскую, русскую, армянскую и другие речи. Рядом существовали старые кварталы и новые здания, традиционные мастерские и учреждения имперской администрации. Город жил напряжённой жизнью, в которой прошлое постоянно сталкивалось с настоящим.

Илья должен был привыкнуть к этому пространству, научиться ориентироваться в нём и найти собственное место.

Пансион Раевского и Гакке отличался от привычной домашней обстановки. Здесь существовали правила, занятия, требования к поведению и успеваемости. Гакке, немец по происхождению, был образованным и строгим педагогом. Однако, как позднее отмечал сам Чавчавадзе, его строгость сочеталась с вниманием к воспитанникам. Он заботился не только об их учебных успехах, но и об интеллектуальном и нравственном развитии, находил время для бесед, музыки и домашних концертов.

Илья оказался среди сверстников, которым предстояло учиться в новой для него языковой и культурной среде. Ему приходилось осваивать непривычные дисциплины, привыкать к требованиям преподавателей и одновременно сохранять связь с тем миром, из которого он приехал.

Можно представить, как в первые месяцы он иногда вспоминал Кварели: дом, знакомый двор, отцовские рассказы, материнский голос, сельские дороги. Воспоминания о родине сопровождали его и тогда, когда он занимался уроками, и тогда, когда оставался один после окончания занятий.

Возможно, именно в эти годы особенно остро проявилась разница между простым знанием языка и внутренней принадлежностью к народу. В Тифлисе Илья учился в заведении, где образование давалось по правилам своего времени, но в его памяти продолжали жить грузинские рассказы, песни и исторические предания. Он не оставлял родной язык за порогом пансиона: тот оставался частью его внутреннего мира.

Годы шли. Илья становился старше, а круг его интересов расширялся. Он уже не был тем ребёнком, который слушал рассказы дьякона, сидя среди сельских товарищей. Теперь перед ним раскрывались новые книги, новые предметы и новые представления о мире. Но прежние впечатления не исчезали. Напротив, они постепенно обретали смысл.

В 1851 году Илья продолжил образование в Тифлисской гимназии, поступив в четвёртый класс. Ему было около четырнадцати лет. Ещё недавно он был учеником частного пансиона, а теперь оказался в более серьёзном учебном заведении, где от него требовались самостоятельность и настойчивость.

Казалось, жизнь постепенно входила в определённое русло. У Ильи были учёба, товарищи, книги и планы. Но судьба готовила ему ещё одно испытание.

Десятого декабря 1852 года в Кварели умер его отец Григол Чавчавадзе. Илье было пятнадцать лет.

Весть о смерти отца стала для него новым ударом. Теперь он лишился не только матери, но и человека, который оставался главным оплотом семьи. Пять осиротевших детей нуждались в заботе, и ответственность за них приняла на себя тётя Ильи — Макрине Чавчавадзе-Эристави.

Для неё это было не просто исполнением родственного долга. На её плечи легла тяжёлая обязанность поддерживать семью, заниматься воспитанием детей и помогать им продолжать образование. После смерти Григола именно Макрине стала главным человеком, на которого могли рассчитывать осиротевшие племянники.

Илья находился в Тифлисе, продолжая учиться в гимназии. Теперь его жизнь окончательно разделилась на два пространства: город, где проходили его занятия и повседневные заботы, и Кахетию, где остались могилы родителей, родной дом и память о первых годах жизни.

Трагедия сказалась и на учёбе. Вскоре после смерти отца успеваемость Ильи ухудшилась, и его оставили в том же четвёртом классе. Это было не просто школьное затруднение. За ним стояло переживание, с которым пятнадцатилетнему юноше было трудно справиться.

В те дни он обратился к стихам. Среди ранних поэтических опытов Ильи сохранилось произведение «Моткма сацклиса», название которого обычно переводят как «Плач бедняка» или «Сетование бедняка». Оно связано с тяжёлым душевным состоянием юного автора после смерти отца.

Мы не знаем всех мыслей, которые занимали Илью в те дни. Не сохранились и подробные записи его разговоров с близкими после трагедии. Но сам факт обращения к поэзии говорит о том, что переживание искало выхода в слове. Там, где обычная речь оказывалась бессильной, начинал говорить будущий поэт.

Возможно, именно тогда он впервые почувствовал, что слово может быть не только способом рассказать о мире, но и возможностью сохранить то, что уходит, выразить то, что невозможно высказать в обычном разговоре.

Макрине предстояло заменить детям родителей настолько, насколько это вообще возможно. Она не могла вернуть им ни мать, ни отца, но могла сохранить семью, поддержать детей и помочь им не потерять связь друг с другом. Илья был ей обязан многим, хотя, вероятно, далеко не всё из этого осознавал в юности.

К 1853 году положение Ильи в гимназии стало улучшаться. Он сумел преодолеть первые последствия тяжёлого потрясения и продолжил образование. Это не означало, что боль исчезла. Скорее, он постепенно учился жить с памятью об утрате, не позволяя ей окончательно остановить своё движение вперёд.

В его детстве теперь было всё больше не только светлых воспоминаний, но и тяжёлых уроков. Он узнал, что семейное благополучие может разрушиться в одно мгновение, что близкие люди не всегда остаются рядом, что взросление порой приходит не вместе с возрастом, а вместе с испытанием.

И всё же детство Ильи не было лишено света. В нём остались материнские рассказы, отцовские наставления, сельские товарищи, голос дьякона, старинные предания и первые книги. Всё это не исчезло вместе с родителями. Оно продолжало жить в его памяти и постепенно превращалось в духовную опору.

Когда позднее Илья Чавчавадзе станет одним из главных голосов грузинской культуры, в его произведениях можно будет услышать отголоски этих ранних лет. Внимание к простому человеку, любовь к родному языку, уважение к исторической памяти и убеждение, что досто-

инство человека определяется не происхождением, а его поступками, не возникнут внезапно. Их корни уходили в далёкое детство.

Илья ещё не знал, какой путь ему предстоит пройти. Он не знал, что впереди будут Петербург, литературные споры, общественная борьба, большие надежды и тяжёлые разочарования. Но первые испытания уже сформировали в нём способность не отступать перед жизненными трудностями.

Кварели остался позади, но не исчез из его жизни. Он продолжал существовать в памяти — как место рождения, как мир родителей, как земля, на которой впервые прозвучали слова, ставшие впоследствии основой его собственного голоса.

Мальчик, покинувший родной дом, постепенно превращался в человека, которому однажды предстояло говорить не только от собственного имени.

Глава 4. Среди простых людей

Кахетия детских лет Ильи Чавчавадзе не была для него лишь красивым краем, который позднее можно было вспоминать с ностальгией. Она была живым миром, в котором каждый день открывал что-то новое: дорога к соседнему селению, голоса людей на сельской площади, работа в поле, разговоры у дома, песни и рассказы, переходившие от старших к младшим.

Княжеский дом, в котором родился Илья, имел свои традиции и уклад. Но за его воротами начиналась другая жизнь — жизнь тех, кто обрабатывал землю, выращивал виноград, заботился о хозяйстве и нёс на себе повседневные заботы края. Для ребёнка эти миры не были разделены непреодолимой стеной. Он рос в одном пространстве с людьми, чья судьба была тесно связана с землёй Кахетии.

Когда Илье исполнилось восемь лет, его начали обучать чтению и письму на грузинском языке. Учителем стал сельский дьякон, которого будущий писатель вспоминал с особой теплотой. Он хорошо знал грузинскую письменность, умел читать священные книги и обладал редким даром рассказчика. Именно это последнее качество, по признанию самого Ильи, особенно привлекало детей.

На занятия приходили и крестьянские мальчики из родного селения. Их было всего пять или шесть, как позднее вспоминал Чавчавадзе. Все они жили дома и собирались у дьякона по утрам. Чтению и письму посвящали примерно час, а остальное время до полудня проходило в играх и рассказах.

Такое обучение было совсем не похоже на привычную картину строгой школы, где дети сидят за партами, отвечают по очереди и ждут окончания урока. Здесь учёба естественно соединялась с общением. Дети слушали одного учителя, играли вместе, спорили, радовались удачной игре и возвращались к рассказам, которые продолжали звучать в их воображении даже после занятий.

Илья принадлежал к княжескому роду, но среди этих мальчиков его происхождение не становилось главным предметом общения. В детской игре важнее были ловкость, смелость, находчивость и умение держать слово. Возможно, именно в этой естественной среде он впервые почувствовал, что человеческое достоинство нельзя измерить одним только положением семьи.

Однажды, когда дети собрались на занятие, дьякон мог предложить им рассказать, что каждый запомнил из вчерашней истории. Один мальчик вспоминал имя героя, другой — его поступок, третий пытался объяснить, почему тот не отступил перед опасностью.

— А ты, Илья, что запомнил? — мог спросить учитель.

Мальчик поднимал голову и начинал пересказывать услышанное. Он старался не пропустить важного, подобрать точные слова, передать не только событие, но и его смысл.

— Хорошо, — мог одобрить дьякон. — Только помни: рассказать о подвиге мало. Надо понять, ради чего человек его совершил.

Это воображаемый эпизод, но сама атмосфера подобных занятий подтверждается воспоминаниями Ильи. Позднее он писал, что дьякон рассказывал детям об отдельных событиях религиозной и, в особенности, гражданской истории Грузии. В его рассказах говорилось о людях, которые защищали веру и отечество, проявляли мужество, совершали добрые и достойные поступки.

Для мальчиков это были не отвлечённые уроки истории. Перед ними возникали образы людей, которые жили задолго до них, но чьи решения и поступки продолжали иметь значение. История становилась близкой, почти семейной памятью. Она входила в детское сознание через живое слово, через интонацию рассказчика, через сопереживание героям.

Некоторые из этих историй Илья запомнил на всю жизнь. В автобиографии он прямо указывал, что услышанные в детстве рассказы позднее послужили ему материалом для литературных произведений. Одним из таких сюжетов стал образ Димитрия Самопожертвователя — грузинского царя Димитрия II, вошедшего в историческую память как человек, принявший смерть ради спасения своего народа. Влияние ранних рассказов он отмечал и в «Рассказе нищего».

Так детское впечатление превращалось в художественную память. Событие, услышанное от сельского учителя, спустя годы могло обрести новую жизнь на страницах произведения. Между детским слушателем и зрелым писателем протягивалась невидимая нить.

Но не только исторические рассказы формировали Илью. Не менее важным было само окружение. Крестьянские дети приносили с собой в общение собственный опыт: они знали, как трудятся взрослые, как меняется жизнь с приходом нового времени года, что значит помогать семье и почему иногда приходится отказываться от детских развлечений ради домашних обязанностей.

Илья мог видеть, как рано многие из них включались в хозяйственную жизнь. Для одних день начинался с поручений родителей, другие помогали по дому или сопровождали старших на работу. Их детство было теснее связано с необходимостью труда, чем детство ребёнка из состоятельной семьи.

Однако это не означало, что они были лишены радости. Напротив, игры, состязания и рассказы становились особенно дорогими именно потому, что повседневная жизнь требовала от них ответственности. В их поведении сочетались непосредственность детства и привычка считаться с нуждами семьи.

Нельзя утверждать, что юный Илья уже тогда осмысливал социальные различия так, как будет осмысливать их взрослый писатель. Было бы ошибкой приписывать ребёнку готовые убеждения зрелого общественного деятеля. Но он видел людей не через отвлечённые определения, а в повседневном общении. Он знал их голоса, привычки, рассказы и характеры.

Впоследствии это знание оказалось чрезвычайно важным. Илья Чавчавадзе не ограничивался изображением красивой природы или героического прошлого. Его интересовал человек в конкретных жизненных обстоятельствах: крестьянин, бедняк, человек, вынужденный бороться с несправедливостью, сохранять достоинство и искать выход из трудного положения.

В его творчестве простые люди не превращались в безликую массу. У каждого появлялись собственная судьба, характер, слабости и сила. Писатель умел показать, как общественные обстоятельства отражаются на частной жизни человека, как нужда и зависимость могут унижать, но не обязательно уничтожают внутреннее достоинство.

В этом смысле особенно показателен «Рассказ нищего». Произведение обращается к жизни человека, чья судьба складывается в условиях социальной незащищённости и человеческой несправедливости. За литературным замыслом стоит не только наблюдательность взрослого автора, но и раннее знакомство с тем миром, в котором жили простые люди Кахетии.

Конечно, нельзя сводить всё творчество Чавчавадзе к воспоминаниям о детстве. Его мировоззрение формировалось позднее, под влиянием образования, чтения, общественных

дискуссий и исторических событий. Но детские годы дали ему то, чего не могла заменить ни одна книга: непосредственное ощущение родной земли и человеческой жизни.

Возможно, именно поэтому его будущие произведения будут так тесно связаны с грузинской действительностью. Он будет писать не о народе как о красивом слове, а о людях, которых знал, чью речь слышал, чьи заботы мог представить и чьи судьбы считал достойными внимания.

В Кварели Илья впервые учился не только читать. Он учился слушать.

Слушать старших, рассказывающих о прошлом. Слушать товарищей, каждый из которых приносил в общий круг свою историю. Слушать родную речь, в которой сохранялись оттенки характера, народная мудрость, юмор и боль. Это умение слушать впоследствии станет одной из важных черт его писательского дара.

Время детства, однако, не могло продолжаться бесконечно. Смерть матери, переезд в Тифлис, новые учебные обязанности и потеря отца постепенно отдаляли Илью от привычного сельского мира. Но отдаление не означало разрыва. Родная Кахетия оставалась частью его внутренней жизни.

Впереди его ожидали годы учёбы, новые знакомства и встреча с иной культурной средой. Ему предстояло узнать, как живут люди в больших городах, как спорят образованные современники, какие идеи волнуют молодёжь и почему судьба родного языка становится вопросом судьбы целого народа.

Но прежде чем выйти на эту широкую дорогу, Илья уже получил один из самых важных уроков. Он увидел, что народ — это не отвлечённое понятие и не только страницы истории. Это конкретные люди, живущие рядом, работающие, любящие, страдающие и надеющиеся.

И когда спустя годы он станет одним из тех, кто пробуждает грузинское общественное сознание, в его слове будет слышаться не только голос образованного человека, но и отголосок тех утренних занятий в Кварели, где княжеский мальчик сидел рядом с крестьянскими детьми и слушал рассказы о своей стране.

Глава 6. Две дороги к знаниям

Тифлис встретил Илью Чавчавадзе шумом улиц, незнакомыми голосами и непривычной суетой. После тихой Кахетии город казался ему огромным и немного чужим. Здесь всё происходило быстрее: люди куда-то спешили, торговцы громко зазывали покупателей, экипажи стучали колёсами по мостовой, а над старинными кварталами поднимались крыши домов, за которыми начинался совсем другой мир.

Илья уже привык к пансиону Гакке. Строгий распорядок, занятия, книги и разговоры с воспитанниками постепенно перестали казаться ему чужими. Сам Гакке был человеком требовательным. Он не терпел небрежности, но не превращал обучение в бессмысленную муштру. Ему хотелось, чтобы ученики не просто запоминали прочитанное, а учились думать.

Вечерами, когда занятия заканчивались, в пансионе иногда звучала музыка. Гакке садился за фортепиано, и строгий наставник словно преображался. Мальчики собирались вокруг, слушали, переглядывались. Илья особенно внимательно следил за руками учителя. Музыка открывала ему ещё одну сторону мира — мир, где мысль могла выражаться не словами, а звуками.

Однажды, после такого вечера, Илья задержался возле инструмента.

— Вам понравилась музыка? — спросил Гакке.

— Да. Но я не всё понимаю.

— А разве обязательно сразу всё понимать? Иногда достаточно внимательно слушать.

Илья задумался. Он уже знал, что хорошая книга требует терпения. Теперь ему предлагали такое же отношение к музыке.

Впрочем, больше всего его занимали книги. Он тянулся к ним не только ради уроков. За страницами учебников и произведений литературы обнаруживались страны, люди и события, о которых прежде он мог лишь слышать из рассказов. Постепенно перед ним раскрывалось

понимание того, насколько велик мир и как мало знает о нём человек, пока не начнёт самостоятельно искать ответы.

Но была и другая сторона этого открытия. Чем больше Илья узнавал о других народах, их истории и культуре, тем острее чувствовал собственную связь с Грузией. Он не хотел, чтобы образование отдаляло его от родной земли. Напротив, ему всё сильнее хотелось понять её прошлое и настоящее.

В те годы он ещё не мог сформулировать свою будущую общественную программу. Но в его сознании уже возникал вопрос, который впоследствии станет одним из главных в его жизни: что может сделать образованный человек для своего народа?

В это же время на западе Грузии другой мальчик входил в свой собственный мир знаний.

Акакий Церетели приехал учиться в Кутаиси в 1852 году. За ним оставались Схвитори, Саване, голоса людей, среди которых прошло его раннее детство. Там он привык к живой речи, к песням и рассказам, к непосредственному общению с простыми людьми. Теперь ему предстояло освоить совсем иной порядок жизни.

Кутаисская классическая гимназия была не просто школой. Она становилась для юноши воротами в большой мир. Здесь требовалось соблюдать дисциплину, выполнять задания, изучать языки и предметы, которые не всегда сразу находили отклик в душе ученика.

Акакий не был человеком, которому легко навязать чужой ритм. В нём жила природная независимость, а любознательность нередко уводила мысли далеко от того, что объяснял преподаватель. Но за внешней непосредственностью скрывалась способность быстро схватывать суть происходящего.

Он внимательно присматривался к товарищам, слушал разговоры, замечал особенности поведения учителей. Иногда ему было достаточно одного замечания, чтобы понять характер человека. Впоследствии эта наблюдательность поможет ему создавать живые литературные образы, наделённые человеческим теплом, юмором и внутренним противоречием.

Однажды после уроков Акакий мог задержаться с товарищами во дворе гимназии. Разговор начался с обычной школьной истории, но быстро перешёл к вопросам, которые занимали всех: кто куда хотел бы отправиться, кем собирался стать, что видел за пределами родного края.

— А ты куда поедешь, если сможешь выбирать сам? — спросил один из мальчиков.

— Туда, где узнаю что-нибудь новое, — ответил бы Акакий.

— И что же ты хочешь узнать?

— Пока не знаю. Но разве можно заранее решить, что именно тебе понадобится в жизни?

Возможно, именно так мог рассуждать юный Акакий. Его будущая дорога ещё не определилась окончательно. Он рос в среде, где семейное происхождение открывало перед ним определённые возможности, но его собственные интересы не укладывались в одни только представления о княжеском достоинстве и привычной карьере.

Ему хотелось увидеть мир, услышать другие голоса, понять, чем живут люди за пределами Имеретии. И всё же родная земля оставалась для него не просто местом рождения. Она была тем пространством, с которым он связывал собственные чувства.

Два мальчика учились в разных городах и пока не знали друг друга. Но в их жизни постепенно возникало нечто общее.

Илья рос в атмосфере строгой требовательности и раннего осознания семейной ответственности. Потеря родителей заставила его раньше времени почувствовать тяжесть жизни. Он всё чаще обращался к книгам, словно искал в них не только знания, но и ответы на вопросы, которые не решался задавать вслух.

Акакий сохранял больше непосредственности. В нём было много живого любопытства, эмоциональной свободы и природного дара к слову. Он мог увлечься разговором, рассмешить товарищей, неожиданно перевести серьёзное обсуждение в шутку. Но за этой лёгкостью уже

проступала способность замечать человеческие характеры и чувствовать настроение окружающих.

Их пути были различны, но оба понимали, что учёба не должна ограничиваться школьными стенами.

В 1857 году Илья окончил полный курс Тифлисской гимназии и отправился в Петербург. Ему предстояло изучать право в университете. Дорога на север была для него не просто продолжением образования. Он покидал Грузию с сознанием, что возвращение должно будет иметь смысл.

Петербург встретил его холодом, широкими улицами и совершенно иной жизнью. Здесь находилась столица империи, здесь решались государственные дела, работали университеты, печатались книги и собирались люди, споривше о будущем общества.

Илья поступил на юридический факультет, на камеральное отделение, где изучали вопросы государственного управления, экономики и финансов. Однако его интересы выходили далеко за пределы обязательной программы.

Он стремился читать больше, чем требовали преподаватели, знакомился с историей, политическими и общественными идеями. В Петербурге он оказался среди грузинских студентов, приехавших из разных уголков родины. Они встречались, беседовали, обсуждали прочитанные книги и положение Грузии.

В этих разговорах постепенно возникала новая интеллектуальная среда. Молодые люди начинали понимать, что их образование может стать не личным преимуществом, а средством служения родной стране.

Илья всё чаще становился одним из центров таких встреч. Его товарищи замечали серьёзность, с которой он относился к общественным вопросам, и способность связывать отдельные события с более широкими историческими процессами.

Но пока он оставался молодым студентом, которому предстояло многое узнать и многое переосмыслить.

Акакий тем временем завершал обучение в Кутаисской гимназии. За годы учёбы он повзрослел, расширил кругозор и всё отчётливее ощущал, что родной край не может быть единственным пределом его интересов.

В 1859 году он отправился в Петербург и поступил на факультет восточных языков. Его выбор отличался от выбора Ильи. Один обратился к праву и вопросам государственного устройства, другой — к языкам и культуре Востока.

Но за различием факультетов скрывалось сходство стремлений. Оба хотели получить образование, которое позволило бы им глубже понять окружающий мир. Оба несли с собой грузинскую память — родную речь, семейные предания, песни и образы людей, среди которых прошло детство.

В Петербурге их дороги наконец оказались в одном городе.

Вокруг них собирались грузинские студенты. Здесь можно было встретить людей с разным происхождением и взглядами, но объединённых общей заботой о судьбе родины. Разговоры нередко продолжались до позднего вечера. Одни спорили о литературе, другие — об истории, третьи обсуждали новые политические идеи.

Можно представить одну из таких встреч: за столом собрались молодые грузины, перед ними лежат книги, письма из дома, тетради с заметками. За окном темнеет северное небо. Кто-то говорит о европейской литературе, кто-то вспоминает грузинскую поэзию, а затем разговор неизбежно возвращается к вопросу, который волнует каждого.

— Что ждёт нашу страну? — спрашивает один из студентов.

— Это зависит и от нас, — отвечает другой.

— Но что мы можем сделать отсюда, из Петербурга?

— Учиться. Думать. Не забывать, кто мы.

Это не документально зафиксированный разговор и не попытка приписать героям конкретные слова. Так могла звучать атмосфера студенческих собраний, о которых позднее рассказывали современники Ильи.

Вскоре различия между двумя молодыми людьми могли проявиться ещё отчётливее. Илья был склонен к серьёзному анализу, к поиску общественного смысла и исторических закономерностей. Акакий обладал поэтической восприимчивостью, тонким чувством человеческой речи и умением видеть жизнь через её живые, порой смешные, порой трагические проявления.

Но стране были нужны оба дара.

Ей требовались люди, способные осмыслить её положение, и люди, способные говорить с народом языком сердца. Ей нужны были мыслители и поэты, публицисты и писатели, спорщики и мечтатели.

Петербург ещё не знал, что среди его студентов находятся два человека, которым суждено занять особое место в истории Грузии.

Илья только начинал свой университетский путь. Акакий лишь вступал в новую для себя среду. Их характеры ещё формировались, взгляды уточнялись, а литературные голоса искали собственное звучание.

Но две дороги уже сошлись в одной точке.

И впереди их ждала не просто учёба. Их ждала эпоха, в которой знания должны были превратиться в слово, слово — в поступок, а личная судьба — в часть судьбы целого народа.

Глава 7. Первые слова, первые сомнения

В жизни каждого писателя наступает минута, когда услышанное и увиденное перестаёт помещаться внутри. Человек ещё не знает, что именно с ним происходит. Он не думает о славе, не мечтает о признании и даже не всегда понимает, почему ему необходимо взять в руки перо. Просто однажды он чувствует: молчать больше нельзя.

У Ильи Чавчавадзе эта минута пришла рано.

Ему было четырнадцать лет. Он учился в Тифлисской гимназии, но летние месяцы по-прежнему связывали его с Кахетией. Здесь всё напоминало о детстве: знакомые дороги, виноградники, дома, в которых жили люди, чьи лица он знал с малых лет. Однако сам Илья уже изменился. Он смотрел на родные места не только глазами ребёнка, но и глазами человека, который начинает понимать, что за привычной красотой скрываются чужие судьбы, тревоги и надежды.

Однажды он вместе со своим товарищем Кохтой Абхазом оказался в окрестностях Карденáхи. Дорога привела их в Чалаубани. Впоследствии Кохта вспоминал об этом происшествии с юмором: путешественники заночевали в крестьянском доме, но ночь оказалась настолько беспокойной из-за множества блох, что на рассвете они поспешили покинуть гостеприимное пристанище.

Такое приключение могло бы остаться всего лишь забавным эпизодом юности. Но для Ильи поездка в Чалаубани оказалась связана с чем-то большим.

В его памяти задержались не только неудобства ночлега, но и само селение, его жители, окружающая природа, особое настроение кахетинской земли. Он увидел знакомый край словно заново. И вскоре появились первые стихотворные строки, посвящённые Чалаубани.

Можно представить его за небольшим столом, когда товарищ уже отдыхает после дороги, а Илья всё ещё не может уснуть. Перед ним лист бумаги. За окном темнеют горы, где-то вдалеке слышится собачий лай. Юноша пытается подобрать слова, но они не сразу подчиняются ему.

Ему хочется передать не просто вид селения. Он хочет удержать в стихах то чувство, которое возникает, когда человек неожиданно замечает красоту места, к которому привык с детства.

Он пишет строку, перечитывает её, зачёркивает несколько слов и начинает снова.

Пока это ещё не голос зрелого поэта. Это голос юноши, который только учится доверять собственному чувству.

Но именно с таких попыток начинается литература.

Вскоре Илья начинает всё внимательнее относиться к слову. Он замечает, что одно и то же событие можно рассказать по-разному: сухо перечислить обстоятельства или заставить читателя почувствовать то, что пережил сам рассказчик. Ему становится интересно, почему одни строки остаются в памяти, а другие исчезают сразу после прочтения.

Он читает, сравнивает, переводит, пробует собственные силы. И постепенно перед ним открывается ещё одна возможность: грузинский язык способен говорить не только о далёком прошлом и народных преданиях. На нём можно выразить тревогу современного человека, любовь, одиночество, надежду и боль.

Илья пока не знает, каким будет его собственный литературный путь. Но он уже чувствует, что не хочет быть простым подражателем. Ему нужно найти интонацию, которая принадлежала бы только ему.

Когда в 1857 году Илья покинул Грузию и отправился в Петербург, он увозил с собой не только учебные книги и воспоминания о родине. В его багаже уже было то, чего нельзя было увидеть глазами: первые стихи, первые литературные опыты и первое ощущение ответственности перед родным словом.

В Петербурге его ждала совершенно другая жизнь.

Северная столица поражала масштабом. Здесь было многоэтажных домов, широких улиц, мостов, каналов и магазинов, в витринах которых отражался непривычный для кахетинского юноши городской свет. Здесь жили люди, для которых Грузия была далёкой окраиной огромной империи. Её история и культура далеко не всегда занимали их мысли.

Но Илья не собирался забывать, откуда приехал.

В университетские годы он всё больше погружался в литературу, историю, общественные науки. Его интересовали не только художественные произведения, но и причины, по которым одни общества развиваются, а другие теряют самостоятельность и внутреннюю силу.

В комнате, где собирались грузинские студенты, разговоры часто начинались с пустяков, но редко ими заканчивались. Кто-то приносил новую книгу, кто-то читал письмо из дома, кто-то рассказывал о событиях в Тифлисе. И вскоре разговор переходил к вопросам, которые волновали всех.

— А что происходит теперь у нас? — спрашивал один.

— Всё то же, что и прежде, — отвечал другой. — Люди живут, работают, надеются.

— Но разве этого достаточно?

Илья слушал. Иногда вступал в спор, иногда молчал. Он не любил разговоров, в которых громкие слова заменяли мысль. Ему хотелось понять, что именно нужно изменить и с чего следует начинать.

Постепенно вокруг него складывался круг грузинских студентов, для которых судьба родины становилась общей заботой. Они читали грузинские книги, обсуждали общественные вопросы, спорили о будущем страны.

Илья всё чаще обращался к перу. Петербургская жизнь не отдаляла его от творчества, а, напротив, давала новые темы и новые возможности. Здесь он мог сопоставлять грузинскую действительность с тем, что видел в русской и европейской литературе. Здесь он глубже знакомился с произведениями Шиллера, Гейне, Байрона, Пушкина и Лермонтова, пробовал переводить, искать в чужих стихах то, что могло бы прозвучать по-грузински.

Но чужое слово не должно было заслонить собственное.

В 1857 году в грузинском журнале «Цискари» появилась его переводная работа — стихотворение «Чити», «Птичка». Это была первая публикация Ильи. Она ещё не сделала его

известным писателем, но стала важной вехой: его имя впервые появилось на страницах литературного издания.

Для молодого автора это, вероятно, было особенным переживанием. Между листом, исписанным в одиночестве, и печатной страницей лежала невидимая граница. Пока стихотворение существовало только в рукописи, оно принадлежало самому автору. Теперь оно отправлялось к неизвестному читателю, который мог принять его, отвергнуть или вовсе не заметить.

Илья вступал в литературу не с громким заявлением, а с первым опубликованным словом.

А на западе Грузии в это время рос другой юноша, которому также предстояло открыть для себя силу литературного слова.

Акакий Церетели с детства любил книги. Он мог возвращаться к одному и тому же произведению, перечитывать знакомые страницы и находить в них новые оттенки. «Витязь в тигровой шкуре» давно стал для него не просто книгой, которую следует прочитать по школьному заданию. Он был частью его внутреннего мира.

Но Акакий не хотел только читать. Ему хотелось самому создавать образы, придумывать строки, находить слова, которые заставляли бы других чувствовать то, что волновало его самого.

В Кутаисской гимназии он продолжал учиться и одновременно пробовал свои силы в литературе. В отличие от Ильи, который уже отправился в Петербург, Акакий пока оставался в родной стране. Его окружали знакомые голоса, грузинская речь, привычные пейзажи и люди, среди которых он вырос.

Однако и его воображение не знало границ родного города.

В 1858 году, когда Акакий ещё был учеником гимназии, в журнале «Цискари» была опубликована его первая работа — перевод стихотворения Михаила Лермонтова «Ветка Палестины». Юный автор сделал первый шаг к читателю.

Это был перевод, а не самостоятельное стихотворение. Но для молодого человека перевод тоже становился испытанием. Нужно было не просто передать содержание чужого произведения. Требовалось услышать его музыкальность, почувствовать настроение, сохранить внутреннее движение строк и найти для них естественное звучание на другом языке.

Можно представить, как Акакий впервые увидел напечатанное произведение. Он мог улыбнуться, перечитать знакомые строки и снова вернуться к началу, проверяя, не исчезло ли в печати что-то из того, что он хотел передать.

Молодой автор ещё не знал, как отнесутся к его работе читатели. Но теперь у него было доказательство того, что его литературные поиски могут выйти за пределы школьной тетради.

В этом отношении судьбы двух юношей удивительно перекликались. Илья впервые появился в «Цискари» с переводом в 1857 году. Акакий — с переводом в 1858-м. Один уже находился в Петербурге, другой ещё учился в Кутаиси. Они шли разными дорогами, но оба начинали с внимательного отношения к чужой поэзии и к возможностям родного языка.

И всё же их будущие голоса обещали быть совершенно разными.

У Ильи всё чаще возникали вопросы, которые не давали покоя. Как писать о родине, если её настоящее далеко от того величия, которое сохранилось в исторической памяти? Как говорить о народе, не идеализируя его и не закрывая глаза на его недостатки? Можно ли любить страну и одновременно беспощадно критиковать то, что мешает ей развиваться?

Эти сомнения не были слабостью. Они свидетельствовали о том, что молодой человек постепенно выходил за пределы простого восхищения прошлым. Ему предстояло научиться видеть Грузию такой, какой она была на самом деле: прекрасной и измученной, гордой и зависимой, богатой историей и нуждающейся в обновлении.

Акакий подходил к жизни иначе. Он обладал редким даром воспринимать человеческое чувство во всей его непосредственности. Его привлекали живые характеры, неожидан-

ные повороты судьбы, народная речь, ирония и тонкие оттенки настроения. Он мог увидеть в обычном разговоре будущую сцену, в случайной встрече — начало рассказа, а в песне — целую человеческую историю.

Но и перед ним вставал непростой вопрос: как сохранить естественность народной речи и вместе с тем создать настоящую литературу? Как не превратить поэзию в красивое украшение, оторванное от жизни? Как писать так, чтобы читатель узнавал в строках самого себя?

Пока ответы только искались.

В 1860 году Акакий получил первую заметную известность благодаря опубликованному в «Цискари» стихотворению «Секретное письмо». Оно привлекло внимание читателей и стало важным шагом в становлении его литературного имени.

Илья в это время уже переживал плодотворные годы петербургской учёбы. В его творчестве появлялись произведения, в которых личное чувство всё теснее переплеталось с размышлениями о судьбе страны. Вскоре его поэтический голос станет узнаваемым, а литературные произведения начнут вызывать не только интерес, но и споры.

Однако до настоящего столкновения с литературной и общественной жизнью оставалось ещё немного времени.

Два молодых автора пока не были теми фигурами, которыми их позднее узнает Грузия. Они не стояли на вершине, не имели вокруг себя многочисленных последователей и не могли знать, какое место займут в национальной памяти.

Они просто писали.

Один — в холодном Петербурге, среди книг, университетских занятий и разговоров о будущем родины. Другой — в Кутаиси, где ещё сохранялась близость к тем людям и обычаям, которые с детства наполняли его воображение.

И каждый раз, когда перо касалось бумаги, перед ними возникал один и тот же выбор: повторить уже сказанное или рискнуть и произнести собственное слово.

Они ещё не знали, что впереди их ждёт встреча не только друг с другом, но и с целой эпохой, которая потребует от них гораздо большего, чем талант.

Грузия ждала своего слова. И это слово уже начинало рождаться.

Глава 8. Илья. Город больших надежд

Июльским днём 1857 года Петербург встретил молодого грузина сыроватым ветром, серым небом и шумом незнакомого города. После долгой дороги Илья Чавчавадзе стоял среди людей, спешивших по своим делам, и пытался понять, куда исчезла та тишина, к которой он привык на родине.

Здесь всё казалось огромным. Улицы, здания, площади, мосты через Неву. Даже небо словно было другим: низким, тяжёлым, часто затянутым облаками. В Кахетии взгляд уходил к горам, а здесь упирался в каменные фасады и бесконечные ряды окон.

Илья поправил воротник пальто и посмотрел на сопровождавшего его спутника.

— Вот мы и приехали, — произнёс тот.

— Приехали, — повторил Илья. — Теперь надо понять, зачем.

Спутник рассмеялся:

— Разве не затем, чтобы учиться?

— Учиться можно и дома. Я приехал за тем, чего дома не найти.

Он не стал объяснять дальше. Да и сам ещё не мог бы выразить всё, что привело его в северную столицу. В нём соединялись жажда знаний, желание увидеть мир и смутное, но настойчивое чувство, что однажды полученное здесь образование должно будет послужить Грузии.

Вскоре Илья успешно выдержал вступительные испытания и стал студентом Петербургского университета. Он поступил на юридический факультет, на камеральное отделение.

Предметы, связанные с государственным устройством, экономикой и управлением, открывали перед ним незнакомую область человеческой жизни.

Первые университетские дни потребовали от него немалого напряжения. Новые преподаватели, лекции, книги, непривычная манера научного рассуждения — всё это заставляло работать не только память, но и самостоятельную мысль.

Однажды после лекции Илья задержался в аудитории. Преподаватель уже собирал бумаги, когда молодой грузин подошёл к нему с вопросом.

— Простите, господин профессор, если государство устанавливает законы, то кто должен следить за тем, чтобы они служили не только сильным?

Преподаватель поднял глаза.

— Вы задаёте вопрос не столько юридический, сколько общественный.

— Разве одно можно отделить от другого?

— В теории — иногда. В жизни — гораздо труднее.

Илья поблагодарил его и вышел в коридор. Ответ не удовлетворил его, но именно такие разговоры и были ему нужны. Он приехал не для того, чтобы механически усваивать готовые положения. Ему хотелось понять, как устроено общество и почему человеческая жизнь так часто зависит от решений, которые принимают люди, никогда не видевшие тех, чью судьбу определяют.

Петербург постепенно переставал быть чужим. Он открывал перед Ильёй свои книжные магазины, библиотеки, университетские аудитории, театры и шумные собрания молодёжи. Здесь спорили о политике, философии, литературе, экономике. Одни верили в скорое обновление общества, другие относились к подобным надеждам с недоверием. Но почти никто не хотел жить по-прежнему.

Илья слушал, читал, сравнивал. Его интересовали русские писатели и мыслители, европейская литература, история разных народов. Он знакомился с произведениями Пушкина и Лермонтова, Шиллера и Байрона, Гейне и других авторов, переводил отдельные произведения, всматривался в устройство чужой поэзии.

Но чем больше он узнавал, тем настойчивее возвращался мыслями к Грузии.

В ней он видел не только землю предков, старинные храмы и гордые страницы истории. Он думал о настоящем — о положении крестьян, о бедности, о недостатке образования, о судьбе грузинского языка и литературы.

Однажды вечером несколько грузинских студентов собрались в комнате одного из товарищей. На столе лежали книги, раскрытая тетрадь, письма из дома. За окном моросил дождь.

— Мне сегодня попалась книга, — сказал молодой студент, — в которой о Грузии написано так, словно это какая-то далёкая провинция, не имеющая собственной истории.

— А ты удивлён? — спросил другой. — Для многих мы именно такая провинция.

— Но ведь мы сами позволяем им так думать, если не рассказываем о себе.

Илья, до этого молча перелистывавший книгу, поднял голову.

— Рассказать о себе недостаточно, — произнёс он. — Надо ещё самим знать, кто мы.

— А разве мы не знаем?

— Мы знаем отдельные страницы прошлого. Но что мы знаем о настоящем? Как живёт народ? Чего он ждёт? Почему человек, родившийся на земле, которую называют богатой и прекрасной, нередко не может обеспечить семью самым необходимым?

В комнате стало тихо.

— Ты хочешь, чтобы мы все стали политиками? — спросил кто-то.

— Нет. Я хочу, чтобы мы перестали быть равнодушными.

Эти разговоры не были случайными. В Петербурге училось около тридцати грузинских студентов. Постепенно вокруг Ильи складывался круг молодых людей, для которых универси-

тетское образование становилось не только личным достижением, но и подготовкой к будущей деятельности на родине.

Позднее это поколение получит название «тергдалеули» — тех, кто пересёк Терек, отправившись учиться в Россию, а затем вернулся в Грузию с новым опытом и новыми идеями.

Илья не стремился командовать товарищами. Его влияние рождалось иначе: он умел поставить вопрос, который остальные предпочитали обходить, и не позволял разговору закончиться красивой фразой.

Впрочем, Петербург был для него не только университетом и общественными спорами. Здесь продолжалась его литературная жизнь.

Порой поздно вечером, когда товарищи расходились, он оставался один над рукописями. За окном шумел дождь, в комнате пахло бумагой и чернилами. Илья перечитывал написанное, менял строки, искал точное слово.

— Опять стихи? — спросил однажды вошедший товарищ.

— А что же ещё?

— Ты целый день споришь о законах, а ночью разговариваешь с музами.

— С законами я спорю потому, что они касаются жизни людей. А стихи пишу потому, что не всё в этой жизни можно объяснить законом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.